

Соронкулов Гульжигит Умарович,

канд. пед. наук, доцент,

доцент кафедры русского языка и литературы,

КГУ им. И. Арабаева,

г. Бишкек, Кыргызская Республика

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КОНЦЕПЦИЯ ВОСТОКА В АКСИОЛОГИИ А.С. ПУШКИНА

В статье рассматривается вопрос о возникновении интереса А.С. Пушкина к восточной тематике, впоследствии переросшего в ориентальную концепцию русского поэта, которая обрела художественное воплощение во многих произведениях Пушкина. Концепция Востока как часть художественной аксиологии поэта развивалась на всём протяжении его творческого пути, включая в себя и метод, и объект изображения.

Ключевые слова: ориентальная концепция, художественная концепция Востока, западно-восточный духовный синтез, аксиология, протеизм.

Gulzhigit U. Soronkulov,

Candidate of Pedagogic Sciences,

Associate Professor the Department of Russian Language and Literature,

Kyrgyz State University named after I. Arabaev,

Bishkek, Republic of Kyrgyzstan

THE ARTISTIC CONCEPTION OF THE EAST IN AXIOLOGY OF A.S. PUSHKIN

The article is given consideration to the issue of attracting the interest of A.S. Pushkin to the Oriental subjects. Afterwards this interest turned into the Oriental conception of the Russian poet which found an artistic embodiment in many works of Pushkin. The East conception as a part of poet's artistic axiology had been developing during his artistic way including both the method and the object of depiction.

Keywords: Oriental conception, artistic conception of the East, Western-Eastern spiritual synthesis, axiology, proteism.

Первые интерпретации этого аспекта пушкинского творчества можно встретить в статьях В.Г. Белинского, П.А. Вяземского, Н.Н. Стрхова. Но это были лишь отдельные, хотя и весьма проницательные, оценки и замечания.

Серьёзно же проблема «Пушкин и Восток» была поставлена в трудах советских пушкинистов в первой половине XX века.

Но только в 60-е годы при изучении проблемы мирового значения Пушкина начинает постепенно преодолеваться свойственный прежнему литературоведению «европоцентризм» и набирает силу изучение этой проблемы пушкиноведения в трудах Л.А. Шеймана, Н.М. Лобиковой, В.А. Мануйлова, М.К. Нурмухамедова, Д.И. Белкина и других исследователей.

Четыре года пребывания на юге России значительно обогатили знания Пушкина об ориентальном мире. Стихи этого периода свидетельствуют не только об отходе поэта от романтических традиций, но и о переключении его интереса от одного региона на другой, связанном с более глубоким постижением Востока. Именно к этому времени относится формирование у него самобытной художественной концепции Востока [1, с. 86].

Ориентальная концепция Пушкина по мере углубления в культуру Востока, конечно, претерпевала изменения. По утверждению Л.А. Шеймана, раскрывая, подобно наиболее компетентным специалистам-востоковедам, «культурную самоценность каждой из двух зон человеческой цивилизации», Пушкин в своих творческих поисках нащупывал и прокладывал пути, заметно отличные от тех, какими двигались в поэтическом освоении «восточно-западной» проблематики корифеи современной ему и позднейшей западноевропейской культуры [6, с. 418].

Крупнейшие европейские романтики (Байрон, В. Гюго) трактовали Восток, во-первых, как арсенал новых, необычайно ярких, экзотических красок, во-вторых, они форсированно противопоставляли Восток Западу в нравственном плане – как мира не только ослепительной роскоши, но и стихии зла, кровожадности, насилия.

Несколько особняком в литературе этого времени стояла книга Гёте «Западно-восточный диван» (1819 г.). Главным для него было возвращение к древним, патриархальным духовным ценностям и опыт западно-восточного духовного синтеза.

Если Восток Гёте воссоздавал, по существу, лишь на литературной основе, дистанцированно от реального быта и актуальных конфликтов этого ареала, то для Пушкина Восток – «непосредственно-контактная встреча, лицом к лицу, с особым миром, ставящим человека Европы, его страну, его культуру – и лично его, Александра Пушкина, – перед важнейшими, первоосновными <...> жизненными выборами. Перед вопросами, от решения которых зависит само существование личности и всего, что ей дорого. <...>

Авторская позиция Пушкина здесь, как и в других сферах его поэтического мира, уникальна. Он ставит читателя перед тайнами и загадками, противоречиями и вопросами, которые открывает ему действительность в проблематике встречи Запада с Востоком. Но сам он, за редкими исключениями, не даёт готового ответа на эти вопросы – в виде истины в последней инстанции. Он ищет ответа <...>. И он вовлекает читателя в этот трудный поиск» [6, с. 419-421, с. 423].

Ориентальная концепция Пушкина как часть его художественной аксиологии развивалась на всём протяжении творческого пути поэта, включая в себя и метод, и объект изображения. По мысли Д.И. Белкина, она выражала стремление поэта к принципиально новому показу ориентального мира, тенденцию ко всё более полному охвату этого мира средствами поэзии.

Концепция Востока обрела своё художественное воплощение во многих произведениях Пушкина. Д.И. Белкин считает, что знакомство с его художественной концепцией следует начинать, опираясь на две взаимно дополняющие друг друга позиции. Первая, которую следует признать основной: многолетнее внимание поэта к восточному миру, характер его художественного проникновения в пласты культуры народов Востока целесообразно рассматривать не суммарно (не в проблемном аспекте), а по регионам. Это открывает возможность полнее увидеть результаты творческого постижения Пушкиным содержания и форм конкретной ориентальной культуры.

Вторая позиция предполагает рассмотрение интереса русского поэта к Востоку в динамике, в эволюции художественной манеры изображения ориентального мира. Многочисленные замечания Пушкина о прошлом Востока, судьбе его народов и их поэзии, <...>, не должны соединяться механически. Его мыслям, как и художественному изображению ориентального мира, были присущи диалектическое единство и глубокая внутренняя связь.

Региональный метод исследования позволяет привлекать множество дополнительных материалов, которые при узкопроблемном рассмотрении могли бы остаться совершенно незатронутыми. <...> Для Пушкина оказывается характерным переключение творческого интереса с одного региона на другой, но уже на более высокой ступени постижения ориентального мира. Знакомство Пушкина с поэзией многих народов и даже её изучение завершалось всякий раз, говоря его словами, созданием «своего образца». Когда в духовном наследии Востока перед русским стихотворцем открывались «новые миры» и возникало желание вступить в творческий спор и предложить «свой образец», он стремился быть художественно и исторически точным. Именно поэтому ориентальная лирика Пушкина бережно сохраняет в русском контексте свою «национальную физиономию» [2, с. 98].

Во «всеобъемлемости и гармоничности» поэтического гения заключается «чудо Пушкина», его «протеизм», удивительная способность, оставаясь национальным русским поэтом, с одинаковой лёгкостью и в то же время глубиной проникать в мир Запада и в мир Востока.

Наиболее полно и последовательно развитие темы Востока, зарождение и совершенствование западно-восточного синтеза в поэзии Пушкина представлено в исследованиях И.С. Брагинского.

«Среднеазиатские аспекты» творчества Пушкина, «среднеазиатские интересы» великого русского поэта стали предметом исследований видного каракалпакского ученого М.К. Нурмухамедова. Отвечая на вопрос, что дала Пушкину для пополнения «его знаний о Средней Азии» поездка в Оренбургскую губернию, автор утверждает: «Пушкин не был в Средней Азии,

но он был у её ворот. И если Петербург был окном в Европу, то Оренбург был окном в степь, Среднюю Азию, Сибирь, и Пушкин многое увидел через это восточное окно» [3, с. 13].

Восстановлению некоторых страниц истории русско-киргизских литературных связей, связанных с именем великого русского поэта, посвятил свою книгу «Пушкин и киргизы» (1963 г.) Л.А. Шейман. Он отмечал, что при работе над «Историей Пугачёва» Пушкин широко использовал материалы известного учёного-востоковеда Никиты Яковлевича Бичурина. Внимание Пушкина здесь привлёк трагический эпизод сравнительно недавней для него истории (1771 год), в котором драматически сплелись судьбы «торгоутов» (калмыков) и «кэргызцев» (кыргызов).

Русского поэта этот исторический эпизод заинтересовал вначале как повод к возмущению яицких казаков, часть которых отказалась преследовать волжских калмыков, покинувших свои кочевья, не выдержав гнёта царских сатрапов, и потянувшихся по киргизской степи в Китай. Правительство двинуло против уральцев-ослушников войска с пушками. Вспыхнул бунт, ставший прологом к пугачевскому восстанию.

Картина социального гнёта под пером русского поэта стала и картиной гнёта национального. Такова, по мысли Л.А. Шеймана, «главная причина, вызвавшая исключительное внимание Пушкина к событиям 1771 года и позволившая впервые вывести «кэргызцев-бурутов», т.е. коренных киргизов, на страницы русской классической литературы» [4, с. 67].

Но размышления поэта о судьбах казахов, киргизов и калмыков продолжались и после завершения работы над «Историей Пугачёва». Он уверен, что в будущем не будет вражды между ними. Именно поэтому в черновике стихотворения «Памятник», перечисляя народы, до которых дойдёт его поэтическое слово, Пушкин рядом с калмыком поставил и «киргизца».

Великий поэт, ещё в то время, когда российское востоковедение только начинало делать первые шаги, сумел внести важный вклад в научное и подлинно гуманистическое освещение жизни и истории кыргызов, организовав

«публикацию первой отечественной научной работы, специально посвящённой отличию казахов от киргизов, а тем самым подготовил и выход в свет фундаментального труда А.И. Лёвшина, положившего начало русскому классическому киргизоведению.

Именно он, первый из корифеев великой русской литературы, продолжая исследования П.И. Рычкова, В.Н. Татищева и других авторов XVIII века, указал на условность наименования казахов «киргизами» («киргиз-кайсаками»). Изучение творческой лаборатории поэта-историка позволяет обнаружить документы о подлинных киргизах, сохраняющие и сегодня своё научное значение <...>.

Всё это позволяет по праву поставить имя Пушкина у истоков русско-киргизских литературных и культурных связей» [4, с. 70-71].

В следующей книге «Кыргызы, казахи и другие народы Востока в мире Пушкина» (1996, 1997, 2004 гг.), написанной совместно с автором данной статьи, Л.А. Шейман продолжает и углубляет проблематику исследований более чем тридцатилетней давности. В частности, ему удалось выяснить, что много сведений о подлинных кыргызах Пушкин извлёк из журнала «Сибирский Вестник», уделявшего много внимания освещению быта и нравов восточных народов России. Кстати, все номера этого журнала, выходившего в Петербурге с 1818 по 1824 год, по просьбе поэта были присланы ему младшим братом в Михайловское.

Изучение этого журнала укрепило представление Пушкина о научной и общественной значимости казахско-кыргызской тематики в условиях 20-х годов XIX века, подготовило его к высокой оценке научных трудов своего одесского знакомого А.И. Лёвшина – фактического основоположника российского казахо- и кыргызоведения. Это чтение и могло ввести «поэта в проблематику, связанную с этнонимом «каменных», Тянь-Шанских кыргызов и с версиями об их исторических миграциях» [5, с. 16].

Благодаря многолетним изысканиям Л.А. Шеймана, окончательно был установлен и принят крупнейшими пушкинистами тот факт, что именно

А.С. Пушкин в конце января 1827 года заказал А.И. Лёвшину через В.И. Туманского статью. Этот материал «Об имени Киргиз-Казакского народа и отличии его от подлинных, или диких Киргизов» был опубликован в первом номере только что учреждённого журнала «Московский вестник».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Белкин Д.И. Индийские мотивы в творчестве А.С. Пушкина / Пушкин и мир Востока. – М.: Наука, 1999. – С. 81-95.*
- 2. Белкин Д.И. Пушкинские строки о Персии / Пушкин и мир Востока. – М.: Наука, 1999. – С. 95-144.*
- 3. Нурмухамедов М.К. Пушкин, Оренбург и оренбуржцы. – Ташкент: Фан, 1984. – 63 с.*
- 4. Шейман Л.А. Пушкин и киргизы. – Фрунзе: Киргизучпедгиз, 1963. – 144 с.*
- 5. Шейман Л.А., Соронкулов Г.У. Кыргызы, казахи и другие народы Востока в мире Пушкина. – Бишкек: Фонд «Сорос – Кыргызстан»: Фирма «Айбек», 1996. – 112 с.*
- 6. Шейман Л.А., Соронкулов Г.У. Пушкин и его современники: Восток – Запад: Очерки / Под общ. ред. Л.А. Шеймана. – Бишкек, 2000. – 540 с., илл.*